

лѣніе: мои уступки доходятъ почти до подлости. Но вы знаете сами (и вѣроятно въ деревнѣ узнаете еще лучше), что за птица русскій мужикъ: надѣяться на него въ дѣлѣ выкупа—безуміе. Они даже на оброкъ не переходятъ, чтобы, во 1-хъ, не „обязаться“; во 2-хъ, не лишить себя возможности прескверно справлять трехъ-дневную барщину. Всякіе доводы теперь безсильны. Вы имъ сто разъ докажете, что на барщинѣ они теряютъ сто на сто; они вамъ все-таки отвѣтятъ что „несогласны-моль“. Оброчные даже завидуютъ барщиннымъ, что вотъ имъ вышла льгота, а намъ—нѣтъ. Къ счастью, здѣсь въ Спасскомъ мужики съ прошлаго года на оброкѣ.

„Я видѣлъ Фета и даже былъ у него. Онъ приобрѣлъ себѣ за фабулозную сумму въ 70 верстахъ отсюда 200 десятинъ голой, безлѣсной, безводной земли съ небольшимъ домомъ, который виднѣется кругомъ на 5 верстѣ, и возлѣ котораго онъ вырылъ прудъ, который унѣлъ, и посадилъ березки, которыя не принялись... Не знаю, какъ онъ выдержитъ эту жизнь (точно въ пирогъ себя запекъ), и главное, какъ его жена не сойдетъ съ ума отъ тоски. Малый онъ, по прежнему, превосходный, милый, забавный—и, по своему, весьма умный.

„Въ этой же деревнѣ совершилось непріятное событіе... Я окончательно разсорился съ Л. Н. Толстымъ (дѣло, *entre nous*, на волоскѣ висѣло отъ дуэли... и теперь еще этотъ волосокъ не порвался). Виновать былъ я, но взрывъ былъ, говоря ученымъ языкомъ, обусловленъ нашей давнишней непріязнью и антипатіей нашихъ обѣихъ натуръ. Я чувствовалъ, что онъ меня ненавидѣлъ и не понималъ, почему онъ—нѣтъ-нѣтъ, и возвратится ко мнѣ. Я долженъ былъ, по-прежнему, держаться въ отдаленіи, попробовалъ сойтись—и чуть было не сошелся съ нимъ на барьерѣ. И я его не любилъ никогда,—къ чему же было давнымъ-давно не понять все это?..

„Я постараюсь вамъ переслать первую (переписанную) половину моего романа. Разумѣется, вы должны мнѣ сказать всю правду. Но сперва напишите мнѣ... Помнится, изъ Симбирска въ Орелъ, т.-е. въ Мценскъ, почта шла чуть не полтора года. Авось въ нынѣшнее время, когда и т. д., произойдетъ улучшеніе.

„Передайте мой самый душевный поклонъ вашей женѣ. Говорятъ, москвичи ее на рукахъ носили. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, но это меня радуетъ тѣмъ не менѣе.

„Не забудьте, что будущей весной я у васъ крещу сына Ивана. Ну, прощайте, милый мой. Жду отвѣта отъ васъ и дружески, крѣпко жму вамъ руку. Вашъ И. Т.“